

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.3 «638» (571.1)

ББК 63.442.7 (253.3)

Первый Пазырыкский курган: история начального этапа изучения*

О.В. Стяжкина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The First Pazyryk Mound: the History of the Initial Stage of Study

O.V. Styazhkina

Altai State University (Barnaul, Russia)

В работе описан период в изучении археологического наследия Алтая, предшествующий открытию Первого Пазырыкского кургана. Дается обоснование, почему именно этот объект был выбран Алтайской экспедицией Государственного Русского музея для исследования. Приводятся воспоминания участников раскопок, в том числе по архивным источникам, дающие нам представления о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться непосредственно в ходе работ и при транспортировке находок, с нехваткой рабочей силы и финансовых средств. Обозначены основные публикации, в которых были отражены результаты исследования Первого Пазырыкского кургана. Затрагивается тема дискуссии, которая возникла между М.П. Грязновым, С.И. Руденко и С.В. Киселевым о датировке памятника, а также между участниками экспедиции относительно введения в научный оборот всего полученного материала. В статье предпринята попытка, опираясь на имеющиеся издания и привлекая архивные источники, рассмотреть историю начального этапа изучения Первого Пазырыкского кургана, который дал исключительный по обилию, разнообразию и научной ценности материал, до сих пор привлекающий внимание исследователей.

Ключевые слова: Алтай, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, Пазырык, крупные курганы, Алтайская экспедиция.

The article describes the period in the study of the archaeological heritage of Altai, preceding the opening of the First Pazyryk burial mound. The substantiation is given why this particular object was chosen by the Altai expedition of the State Russian Museum for research. The article presents the memories of the participants of the excavations, including from archival sources, giving us an idea of the difficulties they had to face directly during the work and during the transportation of the finds, with a lack of labor and financial resources. The article also identifies the main publications, which reflected the results of the study of the First Pazyryk mound. The work highlights the topic of discussion that arose between M.P. Gryaznov, S.I. Rudenko and S.V. Kiselev on the dating of the monument, as well as between the members of the expedition regarding the introduction of all the obtained material into scientific circulation. The article makes an attempt, relying on existing publications and drawing on archival sources, to consider the history of the initial stage of the study of the First Pazyryk mound, which gave material that is absolutely exceptional in terms of abundance, diversity and scientific value, and still attracts the attention of researchers.

Key words: Altai, M.P. Gryaznov, S.I. Rudenko, Pazyryk, large mounds, Altai expedition.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-12

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»).

Михаил Петрович Грязнов признан выдающимся отечественным ученым. Его жизни и творческому пути посвящены разные публикации. Исследование Пазырыкского кургана занимает особую страницу, что неоднократно становилось объектом историографического исследования и нашло отражение в трудах А.Н. Аванесовой, Л.Р. Кызласова, М.Н. Пшеницыной, Л.С. Марсадолова, Н.А. Боковенко, А.А. Тишкина, П.К. Дашковско, Т.В. Тишкиной и др.

В 1920-е гг. Алтайская экспедиция Этнографического отдела Государственного Русского музея (ГРМ) под руководством С.И. Руденко проводила исследования на Алтае с целью изучения быта современного коренного населения Алтая, а также обследования археологических памятников для восстановления истории народов, когда-то населявших эту территорию [1, с. 5]. Неудивительно, что среди многочисленных древних объектов особое внимание привлекали огромные каменные сооружения. Впервые раскопки подобных курганов, проведенные с научной целью В.В. Радловым в 1865 г. [2, с. 4], дали исключительно информативный материал, который позволил «...впервые представить картину жизни ранних кочевников Алтая» [3, с. 9]. Однако Василий Васильевич был не единственным, кто проявлял интерес к археологическому наследию Алтая. Изыскания предпринимались Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, А.В. Адриановым и другими исследователями, которые заложили основы изучения древней истории региона [4, с. 67, 72, 74, 76]. Обширные археологические работы на территории Алтая были намечены сотрудником Алтайского центрального советского музея Г.Н. Вагиным в 1921 г. Тогда Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества (ЗСО РГО) планировал произвести несколько экспедиций, в том числе археологическую. Григорий Николаевич считал целью своей экспедиции не только обследование и учет археологических памятников, но и организацию их раскопок [4, с. 150–151]. Им был разработан следующий маршрут: от Барнаула до Бийска, далее Быстрянское, Улала, Кебезень, Телецкое озеро, долина Чулышмана до перевала Катунь-Ярык, Улаган, затем по Чуйскому тракту до Кош-Агача и обратно через Уймон, долину Каракола, Теньгу, Усть-Кан, Чарыш с притоками Чагыркой и Ханхарой, Белоголазово, Большую Речку и в Барнаул [4, с. 151]. К сожалению, отсутствие финансирования не позволило Г.Н. Вагину осуществить запланированные работы [4, с. 152].

Учитывая успешный опыт предшественников, С.И. Руденко осознавал, что раскопки могут дать очень ценный материал. Именно поэтому он так настойчиво добивался возможности для их осуществления. В 1924 г. Сергей Иванович внес предложение об участии членов Алтайского отдела РГО в работе

Алтайской экспедиции 1924–1925 гг. на территории Алтая [4, с. 157]. Это обращение сопровождалось просьбой о предоставлении ему 100 руб. для организации работ. Со своей стороны, он обязывался выделить часть археологических находок для коллекции Алтайского государственного музея [4, с. 157]. Из-за финансовых трудностей в полной степени запланированные работы удалось осуществить не сразу. Лишь в 1927 г. экспедиция в небольшом составе (С.И. Руденко, М.П. Грязнов и М.Н. Комарова) [5, л. 2] произвела вскрытие кургана Шибе в долине Урсула. Наличие в могиле мерзлоты способствовало сохранности органических материалов, что позволило установить особенности общественного строя и быта ранних кочевников Алтая [6].

В 1929 г. Алтайская экспедиция Государственного Русского музея перенесла работы из урочища Шибе в Пазырык. Дело в том, что Пазырыкская группа курганов была обнаружена экспедицией еще в 1924 г. Тогда же С.И. Руденко произвел их предварительное обследование и, заложив разведочные шурфы, пришел к выводу, что высокое положение курганов над уровнем моря, климатические условия и песчаный грунт могли способствовать благоприятному образованию курганной мерзлоты [2, с. 5]. Кроме того, курганы Пазырыка, в отличие от шибинских, находились в труднодоступном месте, поэтому экспедиция могла рассчитывать на то, что курганы не были разграблены. Однако, как вспоминал М.П. Грязнов, взглянув на фотографии этих курганов, он сразу понял, что и они разграблены. Но все равно согласился ехать, поскольку, по его представлениям, «...заранее знать, какой из курганов будет интереснее, какой будет иметь более ценный в научном отношении материал, мы не можем, это чистая лотерея» [7, с. 91].

Учитывая опыт работы на Шибинском кургане, экспедиция отправилась на раскопки в более расширенном составе. Помимо непосредственно С.И. Руденко, который являлся руководителем экспедиции, в ней приняли участие сотрудники музея М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, В.С. Адрианов, К.И. Ульрих, а также студентка Ленинградского университета А.З. Доскач [8, л. 2]. Из пяти курганов был выбран самый большой, занимавший центральное положение в цепочке [3, с. 13]. Он представлял собой большую плоскую насыпь из крупного камня, под которой располагалась могильная яма глубиной 4 м и площадью в 52 кв. м. Стоит отметить, что внешний вид и устройство кургана оказались сходными с курганом, исследованным в Шибе [9, с. 972]. Как и предполагалось, погребение оказалось разграбленным, вероятно, вскоре после его сооружения. Вырыв в кургане вертикальную яму, грабители оказались в погребальной камере и похитили из нее все ценные вещи. Также они пытались попасть и в северную часть могилы, где были захоронены ло-

шади, но что-то помешало им, и эта часть оказалась нетронутой [9, с. 973]. Но даже несмотря на это, в погребении осталось очень много ценных вещей, либо не понадобившихся грабителям, либо ускользнувших от их внимания [10, л. 13].

Важным источником для изучения Первого Пазырыкского кургана стала беседа М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой, сохранившаяся в виде магнитофонной записи из личного архива Н.А. Боковенко (ученика М.П. Грязнова). Этот рассказ проливает свет на многие неизвестные ранее нюансы в работе экспедиции [7].

Необходимо отметить, что с самого начала раскопки кургана были сопряжены со многими трудностями. Как уже было отмечено, курганы находились в удаленном месте, куда не было проезжих дорог, а добраться можно только верхом на лошадях [7, с. 91]. В научном архиве Института истории материальной культуры РАН хранится рукопись статьи М.П. Грязнова «Пазырык. Раскопки Русского музея на Алтае». В ней автор описывает некоторые моменты работы экспедиции следующим образом:

«После долгого пути на лошадях по проселочным дорогам, на лодках по опасному «Алтын-колю» и верхами по узким горным тропам Чулышманова ущелья экспедиция достигла Улаганова плоскогорья. Здесь, на высоте 1600 метров над уровнем моря, в сухом логоу Пазырык было место упокоения древних ханов Алтая...» [11, л. 1].

Но это были не единственные сложности. С самого начала остро встал вопрос с нехваткой рабочей силы. Как вспоминает Михаил Петрович, по пути в Пазырык они набрали бригаду рабочих (около 30 человек), но спустя неделю работы они забастовали, требуя существенного повышения зарплаты. Будучи сильно ущемленной в средствах, экспедиция себе этого позволить не могла, поэтому с рабочими пришлось попрощаться. Около недели потребовалось на то, чтобы укомплектовать бригаду рабочих «из местных, не привычных к работе, не заинтересованных в этом» [7, с. 92]. Пожалуй, самые существенные трудности ожидали экспедицию, когда она столкнулась с преодолением мерзлоты. Достаточно подробно этот процесс описан в статье Михаила Петровича «Случай археологических раскопок в условиях вечной мерзлоты (методика раскопок в мерзлоте)». В этой работе, хранящейся в научном архиве Института истории материальной культуры РАН, впоследствии так и не опубликованной, автор приводит некоторые рекомендации по организации раскопок в условиях мерзлоты на примере двух погребений: в Шибе и Пазырыке. В частности, он указал, что погребение в Пазырыке с самых верхних слоев бревен было сковано плотным льдом, так, что и сами бревна, и предметы, находившиеся в погребении, были прочно «сцементированы». Вода,

заполнявшая все свободные участки в могиле, все щели между бревнами и мельчайшие поры в древесине, замерзла [8, л. 2]. Лед приходилось оттаивать горячей водой, но, поскольку, воды не было в открытом доступе даже для питья, не говоря уже о технических нуждах, приходилось непрерывно греть костер, разливать воду в могиле, а затем собирать, процеживать и снова греть [7, с. 92]. Процесс разбора Пазырыкского кургана оказался невероятно сложным. Находок было много, а их извлечение, протоколирование, просушка и упаковка так кропотливы, что и шести человек оказалось совершенно недостаточно. В целом на разбор Пазырыкского кургана потребовалось 46 дней упорной и напряженной работы [8, л. 3]. В полевом дневнике, находящемся в том же архиве, Михаил Петрович фиксирует некоторые моменты работы следующим образом:

08.07.1929 г. — приехали в Улаган и стали копать.

15.07.1929 г. — стали копать траншею под насыпью.

18.07.1929 г. — вечером приехал С.И. Руденко.

19.07.1929 г. — дошли до бревен.

06.08.1929 г. — уехал С.И. Руденко.

07.08.1929 г. — первая лошадь.

21.08.1929 г. — утром кончили работу и наполовину засыпали.

22.08.1929 г. — кончили засыпку, под вечер уехали [11, л. 28].

Но даже с окончанием работ на кургане не закончились все трудности. Перед экспедицией встала задача сохранности лошадей, которые имели несомненную научную ценность. Было решено прямо на месте раскопок соорудить хорошо продуваемый сруб, оставить там лошадей: везти их с собой не представлялось возможным. Несколькими месяцами позже за ними отправили сотрудника музея, участника экспедиции В.С. Адрианова, который доставил колоду с трупами лошадей в Этнографический отдел ГРМ [7, с. 95].

Находки из Первого Пазырыкского кургана были переданы в Государственный Эрмитаж (коллекция №1295). В личном архиве М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ хранится папка с материалами, посвященными Первому Пазырыкскому кургану. В нем, помимо описания находок и некоторых иллюстраций, содержится список предметов коллекции Государственного Эрмитажа из раскопок Пазырыкского кургана («курум» с тюркского — значительные по площади скопления крупных глыб горных пород). Список представляет собой таблицу с описанием предметов по следующим параметрам: инвентарный номер, название предмета, местонахождение в кургане, а также номера рисунков и таблиц к ним [12].

Мы не будем подробно останавливаться на характеристике материалов, полученных в ходе работ, так как они были достаточно подробно освещены

в одном из трудов М.П. Грязнова, в монографиях С.И. Руденко и других многочисленных статьях, к тому же это не является целью настоящей публикации. Отметим лишь тот факт, что материал, полученный в результате исследования Первого Пазырыкского кургана, настолько обилен и разнообразен, что позволил получить представление не только о быте верхушки общества, к которой относился погребенный, но о тех, чьими руками все создавалось, т.е. об основных слоях населения. Особенности хозяйства и быта, сложившиеся в племени производственные отношения, особенности мировоззрения, религиозные взгляды — это все нашло отражение в находках из Первого Пазырыкского кургана. Несмотря на тот факт, что некоторые выводы требовали дополнительных наблюдений по материалам других памятников, этот курган стал примером того, как много может дать для изучения истории древних племен раскопки лишь одного памятника [3, с. 42].

Результаты исследования нашли отражение в нескольких небольших публикациях М.П. Грязнова. Уже в декабре 1929 г. в журнале «Природа» вышла его статья «Пазырыкское княжеское погребение на Алтае». Ввиду достаточно скорой публикации с момента непосредственных раскопок автор не делает в ней каких-либо основополагающих выводов относительно быта, хозяйства, социального устройства народа, населявшего данную территорию. Там он, по сути, просто излагает результаты работы на Пазырыкском кургане и представляет особо интересные находки [9]. В 1937 г. была издана небольшая двуязычная (на русском и французском языках) книга «Пазырыкский курган» («Le Kourgane de Pazyryk») [13]. В ней Михаил Петрович не только дает характеристику кургана, но особое внимание он уделяет описанию предметов из погребения именно с художественной точки зрения, отмечая высокую технику их исполнения. Позже, в 1945 г., по материалам раскопок Михаил Петрович защитил докторскую диссертацию «Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае». Лишь в 1950 г. в свет вышла его монография «Первый Пазырыкский курган», в которой не только подробно освещены материалы, но и особое внимание уделено характеристике культуры пазырыкского племени: хозяйство, быт, средства передвижения, военная техника и т.д. [3].

Несомненно, что данные, полученные при раскопках Первого Пазырыкского кургана, нашли отражение и в трудах С.И. Руденко — руководителя экспедиции. Вообще, находки из Первого Пазырыкского кургана оказались настолько уникальны, что Сергей Иванович планировал продолжить исследование пазырыкской группы памятников уже в следующем году, но осуществить задуманное удалось не скоро. В 1930 г. он был арестован. Удалось только опу-

бликовать результаты работ в небольшой статье «"Скифское" погребение Восточного Алтая», которая вышла в 1931 г., когда С.И. Руденко уже был осужден и отбывал наказание по сфабрикованному делу о контрреволюционной монархической организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России» [14, с. 22].

Некоторые исследователи видят причины конфликта между С.И. Руденко и М.П. Грязновым именно в том, что Михаил Петрович обработал и опубликовал результаты исследования, не получив на то разрешения Сергея Ивановича [15, с. 73], который был начальником экспедиции и имел специальное разрешение. Впоследствии С.И. Руденко неоднократно использовал материалы из Первого Пазырыкского кургана в своих работах (1944, 1952, 1953 и другие годы), отмечая, что полученный материал позволил с небывалой до этого в палеоэтнологической практике точностью восстановить картину жизни не только захороненного, но и целого племени: трудовые процессы, ремесло, производство и т.д. [4, с. 182].

Уже в послевоенное время С.И. Руденко продолжил работу по исследованию пазырыкских курганов. В раскопках Второго Пазырыкского кургана принимал участие и Михаил Петрович, однако, будучи несогласным с методикой раскопок Сергея Ивановича, отказался продолжать с ним работать [7, с. 96].

Раскопки Первого Пазырыкского кургана и полученные результаты породили дискуссию относительно датировки объекта. Так, М.П. Грязнов отнес Первый Пазырыкский курган к IV в. до н.э. С.В. Киселев датирует пазырыкскую группу курганов последними веками до нашей эры, называя это время гунно-сарматским. С.И. Руденко с предложенными датировками был не согласен и считал их необоснованными [2, с. 344].

Находки из Первого Пазырыкского кургана, обаянные своей хорошей сохранностью мерзлоте, вызвали огромный интерес не только среди ученых, но и у широких кругов общества. Они до сих пор экспонируются как в залах Государственного Эрмитажа, так и активно задействованы в выставочной деятельности. В настоящее время на памятнике Пазырык проводится доисследование Пятого кургана с целью его дальнейшей музеефикации. Стоит надеяться, что такая работа будет осуществлена и на первом объекте.

В заключение хотелось бы отметить, что автором данной статьи была изучена и опубликована лишь небольшая часть материалов, находящихся в научном архиве Института истории материальной культуры Российской Академии наук. В дальнейшем эта работа будет продолжена, так как опыт раскопок Первого Пазырыкского кургана требует специального и более кропотливого изучения.

Кроме того, многочисленный материал нуждается в системном исследовании с помощью современных естественно-научных методов. Это существенно

увеличит объем объективной научной информации для культурно-исторических реконструкций.

Библиографический список

1. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М. ; Л., 1952.
2. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л., 1953.
3. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
4. Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010.
5. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии Наук (РО НА ИИМК РАН). Ф. 91. Оп. 1. Д. 115.
6. Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2–4.
7. Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. 1.
8. РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168.
9. Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. № 11.
10. РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 90.
11. РО НА ИИМК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 89.
12. Музей археологии и этнографии ОмГУ (МАЭ ОмГУ). ЛА. Ф. Ш.Д.7.
13. Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М. ; Л., 1937.
14. Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег : сборник научных статей. Барнаул, 2004.
15. Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег : сборник научных статей. Барнаул, 2004.